
Г. П. КУЗЬМИНА

ОРГАНИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА О «БОЛЕЗНЯХ» СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА

Стремление общества к самопознанию в 60–80-е гг. позапрошлого века в России было весьма сильным. Вопрос, что в обществе есть «здорового» и «больного», что есть конструктивного и что – деструктивного, волновал многих общественных деятелей и ученых-обществоведов того времени. Ответить на эти вопросы с научных позиций попытались социологи-органики, в первую очередь П. Лилиенфельд в своей «Социальной патологии», ставшей первой попыткой применения социальной науки к объяснению «социальных заболеваний» и всевозможных отклонений, имеющих место в обществе.

Опираясь на принципы, выдвинутые в этой работе, П. Лилиенфельд популяризировал, развивал и защищал их в серии своих позднейших докладов и статей. По его мнению, социальная патология не существовала как ветвь социологии, во-первых, потому, что общество не рассматривалось как реальный организм, во-вторых, недостаточно полно использовался метод аналогии. Во введении к «Социальной патологии» он пишет, что эта значительная отрасль социологии представляет еще поле почти девственное, распашка которого в будущем ожидает работников. Его единомышленник Я. Новиков, критикуя действия правительства в сфере экономической политики, уже связывал их с болезненным состоянием власти. Он писал: «Представьте себе доктора, который давал бы в одно и то же время возбуждающее и успокаивающее лекарство. Эти два противоположных средства, очевидно, внесут только расстройство в организм и породят болезнь»¹. Основную причину

¹ Новиков, Я. А. Протекционизм. – СПб., 1890. – С. 8.

болезни все органики в первую очередь усматривали в пренебрежении основными началами науки. Только принимая положение о том, что общество есть реальный организм, за основную истину социологии, согласно Я. Новикову, «мы поймем, что общество развивается органически, то есть медленно, и что порядок последовательности общественных явлений зависит не от воли человека, а от естественных законов»². Причем болезненное состояние общественного организма обуславливается именно «уклонением от законов социального развития»³.

Следует отметить, что все органики в той или иной мере используют понятия «болезнь», «патология», «аномалия» и пр., но только П. Лиленфельд пишет специальную работу «Социальная патология», где эти и многие другие понятия становятся объектом пристального внимания ученого-обществоведа.

Представление о патологии социального организма возникает у него под влиянием учения Р. Вирхова о «целлюлярной патологии», получившего широкое распространение среди физиологов, медиков в разных странах, в том числе и в России. К середине XIX в. в области медицины был собран значительный материал о многих проявлениях болезней, а также данные, объясняющие морфологические изменения тканей в результате различных заболеваний. Как медицина стоит на страже здоровья индивидуумов, так и социальная наука, по мнению ученого, обязана выявлять «пороки», которым подвергается общество в процессе своего развития. Будучи реальным организмом, полагает он, общество, несмотря на то, что в иерархической лестнице существ человек занимает высшую ступень, подвержено болезням и опасности распада, следовательно, задача социальной патологии и терапии – выявить и проанализировать причины аномалий, возникающих в процессе социальной жизни человечества, и найти средства восстановления его нормального состояния.

Для выполнения поставленной задачи П. Лиленфельд привлек материал развивавшихся тогда бурными темпами физиологии, антропологии и т. д. Вот, к примеру, как выглядят некоторые утверждения применительно к человеку и обществу: индивид – это пер-

² Новиков, Я. А. Протекционизм. – СПб., 1872. – С. 100.

³ Лиленфельд-Тоаль, П. Ф. Мысли о социальной науке будущего. – СПб., 1879. – Т. 1. – С. 177.

вичное анатомическое существо, являющееся первокирпичиком социального организма, и подобно тому, как болезни любого организма – результат аномалий простых клеток, так и общество, представляющее собой совокупность клеток – индивидов, «заболевает» в силу патологического процесса, происходящего на уровне клетки. Признанным авторитетом для многих российских ученых этого периода стал профессор Конгейм, труд которого «Vorlesungen über Allgemeine Pathologie» оказал большое влияние на учение П. Лилиенфельда о патологии и терапии социального организма. Все болезни, считает социолог, имеют один общий источник – отклонение органической особи от того направления движения, которое соответствует ее целям. Подобное, по его мнению, происходит и в обществе, когда социальные слои, в особенности высшие, отклоняются от целесообразного развития, от своего предназначения, в экономической, юридической и политической областях. Переноса положение Р. Вирхова о локальном характере всякой болезни на общество, социолог полагает, что и социальная болезнь всегда начинается с перерождения отдельных клеток, тканей или органов, а не всего организма в целом. Только затем, по его мнению, путем «прямых» и «косвенных» рефлексов она передается всему организму, вызывая общее патологическое состояние. Поскольку целевым назначением частей всякого, в том числе и социального, организма является сохранение равновесия целого, а первейшей обязанностью составляющих его индивидов и групп – соблюдение некоторой, зафиксированной в законах, нормы, все патологические изменения, происходящие в обществе, заключает П. Лилиенфельд, выводят социальный организм из равновесного состояния. «Гармония, единство действия образуют конечную цель всякого живого существа, – утверждает он, – но соответственно с неизменными законами живой природы они могут быть реализованы не иначе как посредством борьбы различных элементов, которые образуют части любого органического тела»⁴.

По Лилиенфельду, классовая борьба, имеющая место в обществе, выступает лишь как гарантия и предпосылка его прочности и гармонии. П. Лилиенфельд считает, что развитие – это постепенное совершенствование, это количественное изменение, исключаящее

⁴ Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 113.

скачки, и на этом основании отрицает необходимость социальных революций как конечного результата классовой борьбы, относя их к болезненным состояниям общества, нарушающим нормальный ход исторического прогресса. По его мнению, нормальный процесс жизнедеятельности общества, в отличие от патологического, представляет собой гармоническую взаимосвязь всех функций (экономической, юридической, политической) в соотнесенности с их целевым назначением. В противном случае социальный организм подвержен заболеваниям. Если социальная болезнь определяется Лилиенфельдом как отклонение от нормального, то есть здорового, жизненного процесса, то аномалия, патология – это крайнее выражение заболевания, проявляющегося в отклонении от социального типа общества (монархия, республика, демократия). Любой из этих типов социального организма, согласно социологу, приемлем и нормален, если соответствует законам общественного развития. По П. Лилиенфельду, социальная болезнь в отличие от аномалии имеет место в процессе жизнедеятельности общества, тогда как аномалия – явление, чуждое жизненному процессу. Следовательно, говорить о болезнях и аномалиях как идентичных понятиях можно только в определенном смысле, когда имеет место процесс, движение. А поскольку все в мире находится в движении, то любое органическое тело подвержено заболеваниям как реакции на неблагоприятные условия жизни или, как выражается П. Лилиенфельд, когда приспособляющие организм к среде способности не в состоянии без нарушений содействовать различным жизненным процессам. По его мысли, очевидно, что нормальный процесс развития общества должен быть создаваем не путем ориентации только на некий умозрительный общественный идеал, а путем изучения обществ реальных, законы развития которых наилучшим образом служили бы целям жизни, то есть постоянному совершенствованию. Наиболее совершенное общество и должно составлять, по П. Лилиенфельду, тот образец, на который должны равняться остальные, не достигшие такого совершенства только по причине какой-либо задержки развития. А это уже болезнь.

Специфика «болезней» общества вытекает из того, что социальный организм, по П. Лилиенфельду, в отличие от природного, представляет собой только нервную систему и межклеточное вещество. Отсюда, общественный организм подвергается лишь нервным потрясениям и аномалиям межклеточного социального веще-

ства. Ссылаясь на отдельные высказывания в «Мыслях о социальной науке будущего», П. Лилиенфельд в «Социальной патологии» утверждает, что большая степень независимости частей социального организма приводит к более частым и более многообразным отклонениям от его нормального состояния. «Подвижность элементов, – полагает социолог, – и отсутствие механических связей помогают легче проникнуть и распространиться в социальном организме чуждым элементам», так называемым «паразитам», которые и являются одной из основных причин заболеваний как биологического, так и социального организма⁵. К «паразитам» П. Лилиенфельд относит такие клетки или группы клеток, которые «действуют во вред другим клеткам и органам, во вред общей жизни организма. В обществе – это индивиды, индустриальные и аграрные, коммерческие и финансовые ассоциации, приобретшие паразитический характер»⁶. Подобное явление в обществе, констатирует социолог, происходит всякий раз, когда регулирующие силы организма не в состоянии удержать действия его различных частей в границах, которые определены через саму природу, и когда равновесие моральных и материальных сил сообществ будет нарушено.

П. Лилиенфельд различает три вида «паразитизма», распространенного в обществе: экономический, юридический и политический. Примером экономического может служить «паразитизм» индустриальный, когда «фабрикант в процессе конкурентной борьбы фальсифицирует свою продукцию»; аграрный – когда «эксплуатируют с целью немедленного обогащения земельную собственность, истощая землю, вырубая леса, разрушая постройки и инвентарь»; коммерческий – когда те, «кто выступает посредником между производителем и потребителем, эксплуатируют их без того, чтобы облегчить обмен продуктами. Это спекулянты, кабатчики и ростовщики всякого рода»⁷. Примером юридического «паразитизма» является «паразитизм» лиц, которые «в какой-либо сфере общественной системы используют легальные средства, чтобы обогатиться или повысить свои доходы в ущерб производителю или потребителю»⁸. Таким лицом может быть, по мнению П. Лилиенфельда, нечестный или невежественный судья и т. д. «Паразитизм»

⁵ Liliensfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 44.

⁶ Ibid. – P. 45.

⁷ Ibid. – P. 47–48.

⁸ Ibid.

политический, считает социолог, «представлен теми, кто своими способностями и моральными качествами не отвечает предъявляемым к ним требованиям, теми политическими агитаторами, которые имеют в виду только свои амбиции или свои личные интересы»⁹. Однако социальный «паразитизм», указывает П. Лилиенфельд, не только характеризуется специализацией по сферам, но и различается по степени опасности для общества. Самым опасным, с точки зрения социолога, является «паразитизм» тех, кто находится в открытой оппозиции к самим принципам, на которых покоится органическая жизнь общества, – нарушителей законов, предназначенных характеризовать личную безопасность и собственность граждан¹⁰. П. Лилиенфельд рассматривает также и скрытые виды «паразитизма», например концентрацию богатств посредством наследования в руках недостойных и неспособных использовать их продуктивно и т. д. Правительство, являясь центральным органом социальной нервной системы, должно, по мнению социолога, нейтрализовать действия «паразитизма» путем принятия своевременных законов и реформ.

Исходя из положения мыслителя о том, что «заболевания» социального организма во всех сферах его жизнедеятельности возникают на почве либо социальной нервной системы, либо межклеточной социальной субстанции, остановимся сначала на анализе аномалий, порождаемых социальной нервной системой. Следует отметить, что по аналогии с заболеваниями нервной системы индивида, такими как паралич, астения, амнезия, мономания и т. д., социальная нервная система подвержена, по П. Лилиенфельду, подобным же явлениям. «Так, истерия, – пишет он, – аналогична финансовым кризисам, политическим, экономическим и религиозным революциям»¹¹. «Подобно тому, как истерия не захватывает всей нервной системы индивида, так и в обществе она – результат активности небольшой группы индивидов – честолюбивых, беспокойных, фанатичных, которые втягивают массы в насильственные акции, иногда целительные, если они связаны с борьбой против зла более опасного, но большей частью деструктивные и вредные»¹², – заключает социолог. Другим душевным заболеваниями: параличу,

⁹ Lilienfeld, P. *La pathologie sociale*. – Paris, 1896. – P. 47–48.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.* – P. 59–60.

¹² *Ibid.*

мономании, астении, амнезии – П. Лилиенфельд тоже находит аналогии в социальном организме. Например, когда та или иная нация не в состоянии оказать сопротивление нашествию врага – это соответствует параличу; когда национальный и религиозный фанатизм, идея славы и господства над миром достигают апогея – это мономания. В результате экономического кризиса, политического потрясения, сопровождаемых потерей жизненных сил общества, наступает депрессивное состояние, что соответствует астении. «Быть может, самое большое несчастье, которое может постигнуть общество, – пишет Я. Новиков, – это умственный застой. Пока умственные силы данного общества развиваются, пока оно с ненасытной жадностью поглощает новые идеи, производимые окружающими его народами, до тех пор ничто не в силах остановить его физический и экономический рост»¹³. Рассуждения Новикова о значимости науки как нельзя кстати отвечают духу нашего времени. «Наука есть власть, – утверждает он, – народ, который будет владеть самым большим запасом реальных знаний, будет всегда иметь самую совершенную экономическую и политическую организацию; ибо все успехи в промышленности и земледелии происходят только от применения законов жизни, химии и биологии, а все совершенство политического строя – от применения законов биологии и социологии»¹⁴. Наконец, амнезия – заболевание, сопровождаемое полной или частичной потерей памяти. Многие мыслители, в том числе Гегель, обращали внимание на забывчивость людей, которых ничему не научает история. П. Лилиенфельд, например, предполагал, что возможна такая историческая ситуация, когда новые поколения не будут знать многое из того, что составляет культуру народа, ибо «всякая революция, – по его мнению, – содержит в себе имплицитно состояние амнезии»¹⁵.

Объяснение социальных сбоев, происходящих в обществе, с медико-биологических позиций позволило органикам не только выявить какие-то деструктивные моменты в развитии общества, но и ввести в социальную науку такие понятия, как «болезнь», «смерть», «патология» и другие, часто используемые обществоведами. Приведем следующее высказывание: «Социальная амнезия выражает прерывность культурно-исторического процесса. Она

¹³ Новиков, Я. А. Протекционизм. – СПб., 1890. – С. 217.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 62–63.

характеризует такую ситуацию, когда нить преемственности культурного развития прерывается, новые поколения оказываются в пределах осознаваемого оторванными от исторических корней, начинают жить, поклоняясь умозрительно-искусственным ценностям, не подозревая о существовании тех, которые сложились культурно-исторически»¹⁶. Нельзя не согласиться с автором, что масштабы социальной забывчивости, предугаданные российским социологом в середине XIX в., могут быть самыми различными, но она неизменно остается, по тем или иным причинам, спутником развития человеческого общества.

Таким образом, социальная амнезия – это потеря исторической памяти и культурных традиций; паралич в обществе соответствует полному отказу от сопротивления; монomania представляет собой, прежде всего, фанатизм политический и религиозный; астения – это депрессия, упадок сил, застой, неспособность решать те или иные вопросы имеющимися в наличии средствами. Такие болезненные явления в истории временами усиливаются, временами ослабевают, что обуславливается спецификой социального организма, отклонения от нормы в котором более развиты, чем в природных организмах.

Переходя к рассмотрению социальных аномалий межклеточной социальной субстанции, П. Лилиенфельд отмечает, что они, как и «заболевания» нервной социальной системы, распространяются на все сферы жизнедеятельности общества. В сфере экономики патологическим явлением, по его мнению, будет сосредоточение собственности в руках меньшинства. Не следует, однако, думать, что он сторонник равного распределения богатств между имущими и неимущими. Равное распределение, и тут он прав, возможно в обществе лишь посредством насилия, но такого рода вмешательство в естественно сложившийся порядок и ход вещей, по П. Лилиенфельду, есть патология, ибо «равное распределение ценностей невозможно, как невозможно физическое сходство различных людей или уровень развития их моральных качеств»¹⁷. И далее, «сосредоточие богатств в руках более или менее ограниченного числа индивидуумов или корпораций не повлечет за собой патологических симптомов», – полагает социолог, – только в том случае, «если

¹⁶ Шаповалов, В. Д. О категориях культурно-исторического процесса в России // Свободная мысль. – 1993. – № 6. – С. 73.

¹⁷ Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 93.

наряду с крупными собственниками и капиталистами будет существовать достаточное количество средних собственников и капиталистов, которые будут промежуточным звеном между крупными владельцами и мелкими»¹⁸.

Наличие мелкой и средней собственности создает прочную основу конкуренции, позволяет избежать патологического вырождения высших слоев общества «в паразитов», заставляя их постоянно обновлять свои «жизненные силы». Все хорошо в меру, а мерой может быть только распределение, основанное на свободной конкуренции. Для общества, развивающегося прогрессивно, необходимо наличие как трудящегося населения, которое явилось бы одновременно и владельцем постепенно растущих благодаря производству и накоплению движимых и недвижимых ценностей, так и группы людей, в руках которых сосредоточены значительные богатства. Именно концентрация позволяет подчинить единой цели действия различных экономических факторов, придать этим действиям прочный и последовательный характер, без которого всякий органический прогресс будет иллюзорным, лишенным оснований. Поэтому концентрация, как ее понимает П. Лилиенфельд, «представляет необходимый принцип прогрессивного развития для человеческого общества, так же как и для органической жизни вообще»¹⁹. Подобная точка зрения высказывается и Я. Новиковым, утверждающим, что «каждая клетка нашего тела получает известную пищу и, в свою очередь, работает для пользы всего организма. Пока получаемая пища соответствует выполняемой работе, организм находится в состоянии здоровья. Но если равновесие (или справедливость, если хотите) нарушается, если одни клетки забирают слишком много пищи, оставляя слишком мало для других, является патологическое состояние, влекущее иногда за собой смерть»²⁰. При этом представляется интересным отношение социолога к привилегиям в обществе. Он полагает: «Раз дается привилегия, привилегированный становится паразитом, живущим насчет своих соотечественников. Равноправность нарушается, и является патологическое состояние в обществе»²¹.

¹⁸ Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 98.

¹⁹ Ibid. – P. 97.

²⁰ Новиков, Я. А. Протекционизм. – СПб., 1890. – С. 280.

²¹ Там же. – С. 280.

Но вернемся к П. Лилиенфельду, согласно которому важную роль в обществе играют социальные рефлексы, связывающие центральные органы (правительство) с периферией (социальными образованиями и человеком как социальным существом). Для индивидуальной нервной системы нет необходимости использовать косвенные рефлексы, тогда как для социальной нервной системы, по мнению социолога, дело обстоит иначе: ее отношения с периферическими органами и способы создания межклеточного вещества опосредованы обменом, который осуществляется с помощью косвенных знаков. Для упорядочения обмена система концентрирует внимание на небольшом количестве предметов, способных обмениваться на возможно большее количество самых разнообразных ценностей. Эти предметы, как правило, представлены в обществе ценными металлами или их заместителями, знаками-эквивалентами, выполняющими также функцию денег, благодаря сконцентрированному в них напряжению социальной нервной системы.

Кредит, полагает социолог, связан с нервной системой общества не менее тесно. Только в этом случае речь идет уже не о явном действии, а о скрытой энергии, ибо кредит предполагает действие в будущем. Подобно тому, как индивидуальная нервная система следит за тем, чтобы каждый ее орган и каждая клетка своевременно делали свое дело, как это им положено, чтобы издержки в функционировании одних компенсировались действиями других, так и в обществе с помощью кредита выявляются скрытые энергии и усиливаются реально действующие.

Деньги и кредит П. Лилиенфельд, таким образом, рассматривает как проекцию социальной нервной системы, как результат ее стремления к унификации своего межклеточного вещества. А поскольку этот результат зависит от того, насколько объединены усилия всех «нервных социальных элементов», их деградация и дезорганизация, прежде всего, сказываются на свойствах денег и кредита, а барометром, чутко регистрирующим любые отклонения в состоянии общественного организма, является биржа. Именно биржа первой отражает перевозбуждение и повышенную активность, упадок сил и панику его членов, вызываемые колебанием стоимостей.

Раскрывая механизм колебания стоимостей, социолог отождествляет его с процессом возбуждения и торможения клеток орга-

низма под воздействием руководящих его физиологической деятельностью нервных центров. Биржа и банки, как нервные центры социального организма в экономической сфере, представляют сконцентрированные в них ценности и людей, располагающих этими ценностями. Отметим, что в концепции П. Лилиенфельда каждая из сфер общества наделена строго определенными органами, предназначенными для руководства. Они представляют собой целую мозговую иерархию, пирамиду, на вершине которой находится центральный политический орган – правительство, концентрирующее деятельность высших руководящих центров экономической и юридической сфер.

Без биржи и банков, предназначенных для распространения и распределения в стране необходимого для эффективной деятельности промышленности капитала, обойтись нельзя. Но в экономической области центральные органы, в частности биржа, наиболее предрасположены к заболеваниям. Способ, каким П. Лилиенфельд предлагает избавляться от патологического состояния центральных органов экономики, сводится к следующему: представляющее единство всего социального организма правительство внимательно следит за тем, чтобы банки и биржа не стали источником паразитизма, не действовали в ущерб свободе и собственности.

Говоря о недвижимой собственности, социолог отмечает, что ее размеры и форма зависят от политического устройства государства, сложившегося в процессе эволюции социального организма. Так, для аристократического правления характерна крупная земельная собственность, а для демократического больше подходит мелкая. Характер собственности зависит также и от природных условий. Например, в силу геологических, топографических и других природных факторов общественная собственность имеет определенные преимущества над частной. Но она противоречит естественным законам развития и поэтому по мере общественного прогресса будет частично распадаться на мелкую и среднюю. Наличие в стране недвижимой собственности всех форм и размеров: крупной, средней и мелкой, общественной и частной – является, по П. Лилиенфельду, гарантией того, что общество будет развиваться без серьезных экономических и политических затруднений, так как

«многообразии форм собственности вырабатывает у государства иммунитет к различным экономическим заболеваниям»²².

Рассматривая конкретно крупную промышленность, П. Лилиенфельд квалифицирует разорение ею ремесленников как патологию. Гарантировать спасение мелких предприятий, по его мнению, может цепь переходных звеньев – промышленных предприятий, средних по размерам. Так, считает он, можно избежать нежелательных отклонений, энергетических потерь социального организма. «Только многообразие форм, – подчеркивает социолог, – как в живой природе, так и в обществе, способствует полноценному развитию жизненной энергии»²³. Как и социалисты, которых он подвергает критике, автор «Социальной патологии» признает, что капитал стремится снизить цену труда и удлинить рабочий день, но считает этот факт проявлением естественного закона, органической необходимости. Поскольку же «все естественные законы необходимы, незыблемы... фатальны»²⁴, борьба против стремлений капитала попросту бессмысленна. Более того, П. Лилиенфельд возводит сами эти тенденции в ранг естественных законов. «Закон снижения цены труда» – это регулятор спроса и предложения, который не может быть заменен административной и законодательной регламентацией, а только может быть смягчен и перенесен в более высокие сферы, что достигается опять-таки естественным путем: рабочие стихийно организуются в кооперации, а капиталисты – в акционерные общества, рабочие объединяются в профсоюзы, а капиталисты – в ассоциации, интернационализация рабочего движения уравнивается образованием международных объединений капиталистов. И теперь якобы имеет место не антагонизм, а конкурентная борьба между естественными соперниками. Эти новые органы, по П. Лилиенфельду, возникают «в соответствии с законом приспособления к окружающей среде» и «идеально соответствуют органам возбуждения и торможения, которые регулируют всю внутреннюю жизнь человеческого организма»²⁵.

Все более укрепляющийся культ науки, связанный с успехами естествознания, определяет социальную ориентацию автора «Со-

²² Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 111.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. – P. 116.

²⁵ Ibid. – P. 117.

циальной патологии». Здесь, как и в других частях своего учения, он выступает как идеолог зарождающейся в России буржуазии. Особо отчетливо это проявляется в его возражениях социалистам и коммунистам. Всем им он приписывает принудительную регламентацию труда, нарушающую естественно установившийся, а значит самый лучший, социальный порядок. Собственным его идеалом является «свободный труд», то есть такой, качество и границы которого определяются самим индивидом: чем выше хочет человек подняться в общественной иерархии, тем охотнее и интенсивнее он должен работать. А продолжительность рабочего времени определяется, полагает социолог, не общественным разделением труда, не законами капиталистической эксплуатации, а природными предпосылками и условиями. Восьмичасовой рабочий день он рассматривает как прекрасный, но это идеал, который недостижим для крестьян – в силу сезонности их труда, для лиц свободных профессий – в силу творческого характера их труда, а для рабочих России – из-за конкурентной борьбы их страны с более развитыми капиталистическими государствами.

Если, рассуждает социолог, вопреки естественным законам государство будет заставлять все население работать только по восемь часов в день, как это предлагают социалисты и коммунисты, то целые отрасли только зарождающейся, еще слабой промышленности будут обречены на гибель, а народ – на голод. Более того, выступающие от имени рабочих с требованием восьмичасового рабочего дня социалисты и коммунисты, по мнению П. Лилиенфельда, не учитывают того, что при нынешнем состоянии нравов этот отдых, скорее всего, будет использован на праздность, невоздержанность, на политические волнения, тогда как это время можно использовать для повышения уровня благосостояния и морального уровня народа.

Такая же, по его соображениям, опасность таится и в повышении заработной платы рабочим, тогда как «понижение заработной платы служит иногда необходимым тормозом низменных страстей и приучает народ к более строгой дисциплине труда»²⁶. Получается, что общество без всякой боязни краха может позволить себе роскошь паразитизма небольшого количества крупных собствен-

²⁶ Lilienfeld, P. *La pathologie sociale*. – Paris, 1896. – P. 120.

ников недвижимости и капитала, а повышение заработной платы угрожает не только ущемлением интересов рантье, но и гибельными последствиями для самого рабочего класса.

Будучи знакомым с «Капиталом», П. Лилиенфельд пишет, что «Карл Маркс предлагает распределять товары в соответствии с затраченным на работу временем, не учитывая энергию и количество труда. Но тогда способные и трудолюбивые рабочие будут получать столько же, сколько ленивые и неловкие, что приведет к общему снижению уровня труда»²⁷. Но К. Маркс ничего подобного не предлагал ни для буржуазного общества, ни для коммунистического. Лишить капиталистов права присваивать прибавочную стоимость К. Маркс призывал вовсе не для того, чтобы ввести уравнительное распределение продуктов.

Полагая в качестве нормы свободную конкуренцию, П. Лилиенфельд указывает на три, по его мнению, возможных вида отклонений от нее, способных вызвать социальное заболевание. Это временная, пространственная и энергетическая аберрации. Отклонение от временной нормы он видит в таких явлениях, как, например, преждевременное строительство железных дорог в Англии. Примером пространственного нарушения является, по П. Лилиенфельду, чрезмерный вывоз капитала из России. Энергетическую аберрацию он усматривает в перепроизводстве зерна в Европе, при одновременном его потреблении. Пути преодоления этих нарушений он видит в образовании тех же синдикатов предпринимателей, рабочих ассоциаций местного и международного масштаба, основанных на принципах индивидуальности и солидарности. Конечно, эти примеры не отражают в полной мере происходящих в экономической сфере нарушений. Однако они дают представление о том, как социолог понимает болезненное состояние экономики.

Патологический процесс в юридической сфере аналогичен, согласно П. Лилиенфельду, тому, который происходит в экономике. Различие социолог видит в том, что «расположение социальных сил в юридической сфере, начиная с зачаточных обычаев и кончая целой системой письменных законов, носит специфический характер, определяющий сходство органического строения общества с морфологическим строением тканей, органов в животных и расти-

²⁷ Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 130.

тельных организмах»²⁸. Так как всякий закон принуждает и закрепляет то или иное действие в определенном месте и на определенные сроки, ограничивая и упорядочивая энергию, то любое отклонение в юридической сфере представляет собой все ту же временную, пространственную или энергетическую аберрацию. Другими словами, закон может быть плохим только в том смысле, что он несвоевременен, неуместен (применен не к тому лицу), искажен или слишком строг. По мнению ученого, закон «представляет всего лишь проекцию морфологической энергии социальной нервной системы, закрепленной в межклеточном веществе посредством письма»²⁹. Письменный закон по отношению к отдельным клеткам и органам общественного организма может быть нейтральным, положительным или отрицательным, как и все производимые и потребляемые обществом блага. Но, оказывая на общество большое влияние, он не является просто знаком, как, например, литература и другие предметы искусства, а требует послушания, принуждает. Центральные органы, наделенные законодательной и исполнительной властью, бдительно следят за тем, чтобы свод законов не нарушался членами общества. В юридическом законе П. Лилиенфельд усматривает то средство, которое социальному организму необходимо постоянно употреблять для нормального функционирования.

Сдвиг равновесия морфологических элементов общества, считает П. Лилиенфельд, является следствием нарушения членами общества обычаев, нравов, законов. Причем отклонения могут быть вызваны не только действиями отдельных индивидов, но и центральными органами и целыми классами. Восстанавливать утраченное равновесие в древности были обязаны вождь или глава семьи, а на более высоких ступенях развития общества – государственная власть, призванная также следить за соблюдением различных для разных граждан прав и обязанностей. По мере прогрессивного развития общества происходит дифференциация власти: законодательная и исполнительная власть, сосредоточенная поначалу в одних руках, со временем начинает осуществляться разными людьми. Правосудие, как центральный орган юридической сферы, должно, указывает социолог, не только устанавливать права и обя-

²⁸ Lilienfeld, P. *La pathologie sociale*. – Paris, 1896. – P. 139.

²⁹ *Ibid.*

занности граждан, но и следить за их соблюдением, способствовать устранению иногда возникающих между членами общества и государственной властью конфликтов. В свою очередь, юридическая сфера должна находиться под влиянием и контролем правительства. В случае нарушения этих зависимостей, произойдут, по мнению П. Лилиенфельда, нежелательные изменения во всем общественном организме.

Морфологический принцип, лежащий в основе функционирования юридической сферы, определяет все ее отличия от двух других сфер общества. Право всегда формально, и в том случае, если оно будет действовать в ущерб свободе, в ущерб естественному развитию социальных сил, произойдет нервный срыв, за которым следует патологическое состояние общественного организма, подобное болезни тела, проявляющейся в уплотнении костной ткани настолько, что прекращается физиологическая деятельность. Но и безграничная свобода тоже может действовать в ущерб праву. Так происходит в случае нарушения законов со стороны отдельных лиц, классов и центральных органов, когда общество вынуждено восстанавливать нарушенный порядок путем наказания виновных. Чтобы избежать опасных патологических состояний в юридической сфере общества, необходимо, по мнению П. Лилиенфельда, не только соблюдать установленные законы, но и обновлять их, проводить реформы, способствующие удовлетворению насущных потребностей народа, соответствующие его материальному, интеллектуальному и моральному уровню. Делать это надо постепенно, ибо «разрушить насильственным путем преемственность юридических форм – значит отступить от закона природы»³⁰.

Как мы отмечали выше, руководящим центром, регулятором, который следит за здоровьем всего организма в целом, экономической и юридической сфер в частности, по П. Лилиенфельду, является государство и правительство. Однако в самой политической сфере также возможны патологические отклонения. Приступая к их выявлению, социолог исходит из того, что существует многообразие типов социального организма и различные типы организации экономической, юридической и политической сфер. Следуя за естествоиспытателями, разграничивающими органические типы,

³⁰ Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 150.

он находит, что «различие во внешней и внутренней морфологической структуре, в строении центральных органов и общества в целом, составляет тип социального организма»³¹. «Типы» общества, говорит

П. Лилиенфельд, определяются экономикой, правом и политикой.

Социальный тип, так же как и индивидуальный, является результатом длительной борьбы за существование, складывается исторически. Изменение сформировавшегося исторического типа опасно для общества. П. Лилиенфельд допускает возможность переустройства общественного организма по новому типу, но это, по его мнению, связано с немалой долей трудностей, сопровождающихся ослаблением социальной нервной системы.

Ослабление неизбежно наступает и при переходе от одного типа к другому и в различных сферах общества. Так, переход от мелкого землевладения к крупному может привести к тяжелым последствиям в экономике. В качестве конкретного примера социолог приводит кризисное состояние сельского хозяйства, возникшее в России после отмены крепостного права. Аналогичное явление он отмечает в промышленности, когда предприятия, объединившись в акционерные общества, при демократическом руководстве могут погибнуть от отсутствия единоначалия. Изменение юридического типа, например резкий переход от обычного права к формальному, также чревато опасностями. К типам политической организации П. Лилиенфельд относит монархию, республику, плутократию и демократию. На примере падения Рима, начавшегося в тот момент, когда он перестал быть аристократической республикой и сделал попытку восстановить монархию, социолог демонстрирует, к каким негативным результатам может привести изменение политического типа.

Для того чтобы социальный организм функционировал нормально, необходима, по мнению П. Лилиенфельда, деятельность не только государства, но и семьи, промышленности, земледелия, торговли, искусства, науки, религии и т. д. Поэтому, как и в организмах природы, в человеческом обществе существует иерархия клеток, с присущими каждой из них функциями. Это – индивиды, классы, руководящие экономической и политической жизнью

³¹ Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 151.

страны центральные органы. Между правительством и массой индивидуальных клеток существуют средние центры, которые, по мнению автора «Социальной патологии», обеспечивают равновесие всей системы. Благодаря этому иерархическая конструкция общества не является жесткой: она предполагает определенную степень независимости ее частей. То, что в цивилизованном обществе большая часть населения по своему интеллектуальному и эстетическому развитию находится на уровне детства, по П. Лилиенфельду, явление нормальное. Попытки изменить это положение будут только сдерживать развитие других клеток общества, снижать его общую жизнеспособность, вызовут аномалии.

На высшую ступень иерархической лестницы могут подняться только наиболее способные индивиды. Если на высшей ступени оказываются слабые, в обществе возникает трудная ситуация, когда, поднявшись на высший уровень, отрицательные элементы более опасны, чем они были на низших ступенях иерархической лестницы. Отрицательные индивиды и классы, занимающие влиятельное положение в обществе, перестают быть только балластом, имеют возможность активно воздействовать на центральные органы. Социальная система, отрицательный вес которой увеличивается за счет подобных элементов, находится в патологическом состоянии.

Благодаря тому, что большинство клеток остановилось на низшей ступени развития, стало возможным, по мнению социолога, существование в нашем теле всех органов, необходимых для борьбы за существование и адаптации к среде. «Если бы все клетки нашего тела попытались стать нервными клетками, – замечает П. Лилиенфельд, – то формирование других систем тела было бы невозможным»³². То же самое можно наблюдать и в обществе, которое нельзя представить состоящим из одних только деятелей, ученых, художников, как невозможно представить армию из одних полковников. Но наряду с этим естественно и стремление индивидов подняться выше в социальной иерархии. Остановить движение клеток-индивидов от низших ступеней развития к высшим могут только другие индивиды. Между социальными слоями идет непрерывная борьба: клетки-индивиды, находящиеся на высшем уровне,

³² Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 174.

стремятся сохранить свою позицию, а находящиеся на низшем уровне, наоборот, стремятся вытеснить их. Это – закономерный процесс, включает он, всей органической и социальной стратификации, источником которого являются, с одной стороны, принцип действия, с другой – принцип инерции. Однако этот процесс дает только временный результат.

Устойчивое закрепление социальных позиций дает применение другого принципа, близкого к принципу органической наследственности – наследование имущества и титулов. Наследство, по П. Лилиенфельду, является знаком общественного признания вне зависимости от того, получено ли оно индивидом при рождении, или дано ему за заслуги перед обществом. Знаком общественного уважения являются и титулы, без которых имя и фамилия выполняют лишь назывную функцию. Титулы также наследуются или присваиваются и служат для того, чтобы концентрировать внимание социальной нервной системы на поколениях и семьях, достигших в результате естественного отбора хороших показателей.

Критикуя коммунистические тенденции, П. Лилиенфельд утверждает, что неравное распределение богатств, право наследования установлены самой природой социальной иерархии, общественных отношений, которые, в свою очередь, «сами исходят из необходимых законов, определяющих органическую жизнь вообще»³³. Наследство и титулы, по его мнению, есть не что иное, как объективное физическое, моральное и интеллектуальное единство интересов, неоспоримое наследование физических задатков от родителей, а порядок, при котором богатые и титулованные семьи пользуются преимуществом в борьбе за позицию на более высоком уровне, следует признать столь же справедливым.

В демократическом обществе, заключает социолог, где не существует сословий и титулов, особенно важен элемент богатства. Последнее также имеет естественную основу, и его распределение в этом обществе также должно происходить в соответствии с законом прогрессивной эволюции. Концентрация богатств в руках немногих семей, присваивающих результаты напряженной работы

³³ Lilienfeld, P. La pathologie sociale. – Paris, 1896. – P. 94.

большинства общества, соответствует, по логике мыслителя, естественным законам.

П. Лилиенфельд полагал, что изучение необходимых причинных связей между социальными явлениями – задача социологии, тогда как вопрос о целесообразности выбора курса развития общества должен решить государственный деятель, вооруженный знанием социологии. Как видим, социолог не умаляет роли личности в истории на том основании, что развитие – это объективный, закономерный процесс, не зависящий от воли и желания людей, но и не утверждает обратного: что в истории нет законов, что «свободная воля» руководящих деятелей играет здесь решающую роль. Он верит, что настанет время, когда развитие человечества будет осуществляться разумнее и целесообразнее, когда откроются большие возможности для деятельности выдающихся личностей или союза личностей в лице просвещенных правительств.

Будучи живой системой, общество, по его мнению, подвергается в процессе жизнедеятельности различным аномалиям, причиной которых становится нарушение равновесия между элементами социальной системы. Функция же государственной власти, государства как социального института заключается в восстановлении утраченного обществом равновесия. Государство, в социальной концепции П. Лилиенфельда, призвано в лице государственного деятеля, законодателя регулировать физическое и духовное состояние народа и социального организма в целом. Таким образом, если общество представляет собой сферу взаимодействия и борьбы различных потребностей и интересов как личностей, так и социальных слоев, то государство, являясь выразителем общественных интересов, разрешает противоречия, возникающие в ходе естественной борьбы личностей, социальных групп за более высокое место в социальной иерархии.